

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

РОЛЬ ЭПИГРАФА В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С.З. ШЕЙРАНЯН

Национальный университет архитектуры и строительства
Армении

В статье рассматривается роль эпиграфа для понимания художественного смысла текстового целого. Приводится большой фактический материал из художественной литературы, которым иллюстрируются теоретический анализ и выводы.

Ключевые слова: эпиграф, цитата, содержание, литература

Словарь иностранных слов предлагает следующую дефиницию слова эпиграф: “фраза (часто цитата), помещаемая перед сочинением или перед отдельным его разделом, в которой автор поясняет свой замысел, идею произведения или его части” [1, с. 589]. Будучи неотъемлемой частью произведения, эпиграф, тем не менее, обладает структурной и семантической завершенностью и относительной независимостью. Он имеет свое определенное место в структуре текста: всегда после заглавия (иногда и посвящения), однако непосредственно перед основным, авторским текстом или его частью. Представляя собой буквальную выдержку из какого-либо текста, т.е. цитату, эпиграф не может считаться собственно авторским сочинением. Вместе с тем критерии и параметры его отбора определяет именно автор.

Хотя эпиграф (как и посвящение, предисловие, эпилог) не является неизменным элементом структурно-семантической организации текста, отдельные авторы используют его довольно регулярно. Думается, обилие эпиграфов, наряду с лаконизмом, исключительной простотой и точностью, быстротой и драматизмом сюжета, можно считать одной из отличительных особенностей пушкинской прозы. Возьмем “Повести Белкина”. Они предваряются эпиграфом из “Недоросля”, который во многом придает целостность всему циклу повестей. Кроме того, каждая из повестей имеет свой эпиграф, а “Метель” и “Выстрел” – даже по два. “Пиковая дама” снабжена общим для всего произведения эпиграфом из Новейшей гадательной книги; но имеются также эпиграфы к каждой из шести глав в отдельности.

Обилие эпиграфов является характерной чертой романа Стендаля “Красное и черное”. Произведение состоит из двух частей, к каждой из которых предпослано по эпиграфу. Более того, имеют свои эпиграфы также все 30 глав первой части и 41 глава второй. Итого: 73 эпиграфа!

Эпиграфы могут резко отличаться по объему: от словосочетания (“Правда, горькая правда” – к первой части романа Стендаля “Красное и черное”), до целого текста (в отдельных случаях из нескольких абзацев). В романе Чабуа Амирэджиби “Дата Туташхиа” пять эпиграфов: один ко всему роману и по одному к каждой из четырех его глав. Однако очевидно, что все эти эпиграфы вместе представляют собой вполне самостоятельный, связный текст (общим объемом около пяти страниц, набранных особым, мелким шрифтом), где повествуется о той же борьбе добра и зла, но в ином, мифическом плане (Туташха – дракон). Огромна их роль и в создании интегрированного единства всего романа. В качестве эпиграфа могут быть использованы цитаты из Библии, мифов, фольклора, художественной литературы, периодики, исторической хроники, энциклопедий, всевозможных справочников, словарей, учебников, деловой документации, частной переписки, а также пословицы, поговорки, крылатые выражения и т.д.

Анализ большого количества художественных произведений показал, что эпиграф встречается в эпических произведениях чаще, чем в драматических (из прозаических жанров следует отметить прежде всего романы и повести). Специфической особенностью драматического произведения является то, что оно предназначено для сценического воплощения. На сцене же эпиграфу нет места, и он остается за ее пределами. Не типичен в целом эпиграф и для лирических произведений. Так, из семи драматических произведений А.С. Пушкина только одно (“Каменный гость”) снабжено эпиграфом, а из тринадцати поэм – только две (“Бахчисарайский фонтан” и “Полтава”). О стихотворениях даже говорить не приходится. В качестве редкого исключения из правила можно привести снабженное эпиграфом стихотворение “К Наталье” лицейского периода, датированное 1813 годом.

В структурно-семантической организации всего художественного произведения эпиграф может выполнять функции, близкие к функциям заголовка. Во многом это объясняется тем, что, как и заголовок, эпиграф занимает “так называемую сильную позицию, которая в силу противопоставленности корпусу текста привлекает внимание читателя” [2, с. 52]. По мнению Н.М. Разинкиной, в тех случаях, когда часть (глава) художественного произведения не имеет своего заглавия, но в то же время снабжена собственным эпиграфом, последний вполне может заменить его.

В качестве иллюстративного примера приводится роман Дорис Лессинг “Приличный брак”, где “все четыре эпиграфа являются цитатами, намечающими характер темы и ее развитие” [3, с. 102].

Находясь (как и заглавие) в сильной позиции, эпиграф призван раскрыть художественный замысел автора, выразить основную коллизию, тему, предупредить произвольность толкования идеи произведения, направить внимание

читателя в заданном направлении, дать авторскую оценку изображаемому, воссоздать обстановку, в которой происходит действие и т. д.

Прямо соотносясь с заглавием произведения, эпиграф может помочь разъяснить его смысл. Вот эпиграф к роману “По ком звонит колокол”, заимствованный Э.Хемингуэем у английского поэта XVII века Джона Донна:

“Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе: каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если Волной снесет в море береговой Утес, меньше станет Европа, и также, если смоем край Мыса или разрушит Замок твой или Друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай никогда, по ком звонит Колокол: он звонит по Тебе”.

Полный высокой патетики, эпиграф утверждает ответственность каждого за происходящее на Земле, за счастье и свободу людей.

С другой стороны, эпиграф к роману А.И. Герцена “Кто виноват?” не дает никакого ответа на вынесенный в заглавие вопрос. Более того, эпиграф как бы предупреждает читателя, что виновников искать в романе будет скорее всего бесполезно: “А случай сей за неоткрытием виновных предать воле божией, дело же, почислив решенным, сдать в архив.”

Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что в повести А.С. Пушкина “Метель” звучит мотив фатализма. В определенной степени к этой мысли нас подводит эпиграф из “Светланы” В.А. Жуковского, которого, кстати, тоже глубоко волновали проблемы судьбы. И действительно: все попытки Владимира обрести счастье оказались безуспешными; с другой стороны, Бурмин, не прилагая никаких абсолютно усилий, благодаря удачному стечению обстоятельств получил буквально все. Приведем отрывок из эпиграфа к повести “Метель”:

“...Вещий стон гласит печаль!

Кони торопливы

Чутко смотрят в темну даль,

Воздымая гривы...”

А вот соответствующие строчки из баллады В.А. Жуковского:

“...Ворон каркает: печаль!

Кони торопливы

Чутко смотрят в темну даль,

Подымая гривы...”

Конечно, эпиграф, как и любая другая цитата из авторитетного источника, приводится автором для подтверждения или более точного выражения своей мысли, и поэтому он должен быть передан без искажений смысла и без изменения синтаксических конструкций. Между тем, отмеченная выше незначительная коррекция чужого текста, взятого в качестве эпиграфа, – это всего лишь

прием, который А.С. Пушкин использовал в своей писательской практике неоднократно.

Другой пример – эпитафия к “Бахчисарайскому фонтану”:

Многие, так же как и я, посещали
сей фонтан; но иных уже нет, другие
странствуют далече. *Сади*

Эту же мысль персидского поэта, но уже в усеченном варианте находим и в последней строфе романа “Евгений Онегин”:

Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Отметим попутно, что название поэмы “Бахчисарайский фонтан” было предопределено, по собственному признанию А.С. Пушкина, ее эпитафией: “Бахчисарайский фонтан” в рукописи назван был *Харемом*, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня” [4, с.481].

Сокращение предпосланного в качестве эпитафии чужого текста в угоду своему имеем в пьесе А.Блока “Незнакомка”. Второй из эпитафий пьесы представляет собой скорректированную и в значительной степени сокращенную цитату из романа Ф.М. Достоевского “Идиот”. Сцена с участием нескольких героев фактически трансформирована А.Блоком в диалог Настасьи Филипповны и князя Мышкина с целью предвосхитить свидание Незнакомки и Голубого [5, с. 561; 6, с. 89-90].

Предвосхищающим событие можно назвать и эпитафия к пятой главе “Пиковой дамы” А.С. Пушкина, где описывается видение Германна:

В эту ночь явилась ко мне покойница
баронесса фон В***. Она была вся
в белом и сказала мне: “Здравствуйте,
господин советник!” *Шведенборг*

Прагматическое назначение имеют эпитафии, создающие фон, необходимый для понимания специфики изображаемых событий и характеров. Они не только вводят читателя в обстановку действия, но и создают определенное настроение. Такковы, например, эпитафии к повестям А.С. Пушкина “Пиковая дама” (“Пиковая дама означает тайную недоброжелательность” – *Новейшая гадательная книга*), “Барышня-крестьянка” (“Во всех ты, Душенька, нарядах хороша” – *Богданович*), “Выстрел” (“Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще мой выстрел)” – *А.Бестужев-Марлинский*) и др. Последний эпитафия из повести “Вечер на бивуаке”, кроме прочего, обыгрывает столь типичный для романтической литературы того времени мотив прерванной дуэли.

Эпитафия может дополнить характеристику героя (иногда выделяя детали портрета):

Человек, у которого нет никаких нравственных

правил и ничего святого! (*фр.*)

Эпиграф этот (к четвертой главе “Пиковой дамы” А.С. Пушкина) прямо соотносится с мнением Томского о Германне: “У него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести по крайней мере три злодеяния.” Эпиграф у А.С. Пушкина, как пишет В.В. Мадоян, “воспринимается как сентенция, отражающая основную идею главного текста сочинения,- авторскую идею, но у А.С.Пушкина они разнообразны и выполняют, наряду с общей, также другие семантические функции” [7, с. 5].

В “Капитанской дочке” при выборе эпиграфов А.С. Пушкин впервые обратился к народному словесному кладезю: песням и пословицам. Примечательно, что ни в одном из его прежних произведений нет эпиграфа, заимствованного из устного народного творчества. В “Капитанской дочке” их больше половины – целых десять (семь из которых заимствованы из песен с пометами народная, старинная, солдатская, свадебная, а три - пословицы). Эти эпиграфы, во-первых, вводят читателя в атмосферу подлинной народности, во-вторых, способствуют лучшему пониманию особенностей описываемых исторических событий, в-третьих, прямо соотносится с характером действующих лиц. Пословица “Береги честь смолоду”, предпосланная в качестве эпиграфа ко всему произведению и, следовательно, имеющая особую ценность, заключает в себе основной смысл отцовского наказа, полученного Гриневым непосредственно накануне его отправления на военную службу в Оренбург (в речи отца, однако, пословица эта используется в полном объеме: “береги платье снову, а честь смолоду”).

Эпиграф по-своему может обозначить главную интригу произведения. Так, стихотворение Н.А. Некрасова “Железная дорога” предваряется разговором отца с сыном в вагоне поезда:

В а н я (*в кучерском армячке*)

Папаша! Кто строил эту дорогу?

П а п а ш а (*в пальто на красной подкладке*)

Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!

Однако в дальнейшем всем текстом произведения это ошибочное с точки зрения поэта мнение опровергается. Возражая отцу, поэт “показывает” Ване правду. Кроме того, в эпиграфе содержится указание на социальный статус героя: пальто на красной подкладке носили в то время генералы.

В пьесе А.Арбузова “Таня” показан трудный процесс духовного перерождения молодой женщины Тани Рябининой, о чем свидетельствует эпиграф из Микеланджело: ”... Так и я родился и явился сначала скромной моделью себя самого для того, чтобы родиться снова более совершенным творением...”. Обобщенный характер эпиграфа помогает читателю разглядеть в произведении черты не только личной биографии героини.

В эпиграфе к роману К.А. Федина “Костер”, посвященному годам Великой Отечественной войны, очень четко выражен обобщающий смысл произведения: “Ветер задует свечу и раздует костер” (костер народно-освободительной войны).

Пророческий смысл имел эпиграф, предваряющий рассказ И.А. Бунина “Господин из Сан-Франциско” (слова Апокалипсиса “Горе тебе, Вавилон, город крепкий”). По признанию автора, эти слова “неотступно звучали” в его душе в тот период, когда зарождался замысел рассказа, т.е. накануне первой мировой войны.

В своем романе “Новь” о революционно-народническом движении 70-х годов 19-го века И.С. Тургенев, по собственному признанию (в письме к М.М. Стасюлевичу от 22 декабря 1876 – 3 января 1877 года), решил “взять молодых людей, большей частью хороших и честных, и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к фиаско”. Не верящий в саму идею революционного преобразования России, в готовность народа к революции, он все же относился с глубоким уважением и сочувствием к героическому порыву и самоотверженности молодежи. Подобная установка романа не могла не вызвать различные, порой даже взаимоисключающие комментарии. Но более всего разночтений вызвал эпиграф к роману, который, по замыслу автора, наоборот, должен был сузить границы толкования содержательно-фактуальной информации:

Поднимать следует новь не поверхностно скользящей сохой,
но глубоко забирающим плугом.

(Из записок хозяина-агронома)

С целью прекратить полемику, И.С. Тургенев счел необходимым дать к эпиграфу дополнительные разъяснения: “Плуг в моем эпиграфе не значит революция, - а просвещение” [8, с. 494].

В качестве эпиграфа к роману “Анна Каренина” Л.Н. Толстой использовал библейское изречение “Мне отмщение, и аз воздам”, тем самым взяв свою героиню под защиту. Писатель был убежден, что такие люди, как графиня Вронская, Лидия Ивановна, княгиня Бетси не имеют морального права судить Анну. Уместно здесь вспомнить следующую мысль Л.Н. Толстого: “Много худого люди делают сами себе и друг другу только оттого, что слабые, грешные люди взяли на себя право наказывать других людей. “Мне отмщение, и аз воздам”. Наказывает только Бог, и то только через самого человека” [9, с. 95].

О преемственности идей и художественных образов свидетельствует эпиграф к первой главе романа М.А. Булгакова “Мастер и Маргарита”, предваряющей появление Воланда в Москве, на Патриарших прудах:

... так кто ж ты, наконец?
- Я – часть той силы,
что вечно хочет

зла и вечно совершает благо. *Гете. “Фауст”*

Следует отметить и случаи, когда эпиграф появляется перед основным текстом произведения уже после завершения работы над ним. Известно, например, что Н.В. Гоголь продолжал работу над комедией “Ревизор”, внося довольно существенные поправки, даже после ее публикации и премьеры. Эпиграф же появился лишь в 1842 году и представлял собой ответ Н.В. Гоголя на негодование определенных слоев русского общества в связи с постановкой комедии и на обвинения его в клевете. Подчеркивающий обличительный смысл “Ревизора”, эпиграф

*На зеркало неча пенять,
Коли рожа крива*

дает понять, что комедия, подобно зеркалу, является всего лишь отражением далеко не совершенной реальной жизни. Выступающая в роли эпиграфа народная пословица прямо соотносится с известным высказыванием Стендаля о том, что художественное произведение – это “зеркало, проносимое по большой дороге”.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов. - 15-е изд., испр. - М.: Рус. яз., 1988. – 608 с.
2. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
3. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. - М.: Высш. шк., 1989. – 182 с.
4. Пушкин А.С. Опровержение на критики. - Сочинения. В 3-х томах. Т. 3. - М.: Худ. лит-ра, 1986. - 527 с.
5. Блок А.А. Избранные сочинения. – М.: Худ. лит., 1988. – 687 с.
6. Достоевский Ф.М. ПСС в 30 томах, т.8. Л.: Наука, 1973. – 511 с.
7. Мадоян В.В. Эпиграфы А.С. Пушкина. - В сб. “Душа в заветной лире”. - Ереван: Айтастан, 1999. - 39 с.
8. Тургенев И.С. Собрание сочинений и писем в 28-томах. Т. 11. - М.-Л.: Наука, 1966,
9. Толстой Л.Н. На каждый день: учение о жизни, изложенное в изречениях. - ПСС в 90 томах, т. 44. М.-Л.: Худ. лит-ра, 1932.

The Role of the Epigraph in Comprehending the Ideological Content of Fictional Writing

S. SHEYRANYAN

National University of Architecture and Construction of Armenia

The article is devoted to the role of the epigraph in comprehending the main idea of the literary text and/or its separate parts in fictional writing. A great deal of factual materials are brought from Russian classical literature for the use of theoretical analysis and deduction.

Key words: *epigraph, quotation, content, literature.*

Բնաբանի դերը՝ որպես ամբողջական գեղարվեստական տեքստի ամբողջական կառուցվածք

Մ.Չ. Շեյրանյան

Հայաստանի ճարտարապետաշինարարական համալսարան

Հոդվածում դիտարկվում է բնաբանի դերը՝ որպես ամբողջական ստեղծագործությունը գեղարվեստորեն ընկալելու լավագույն միջոց: Ներկայացված է փաստական առատ նյութ գեղարվեստական գրականությունից, ինչը լուսաբանում է հեղինակի կողմից արված տեսական վերլուծությունը և եզրահանգումները:

Բանալի բառեր՝ *բնաբան, մեջբերում, բովանդակություն, գրականություն*